

в еще один ресурс, невольно втягивая ее в мир своей настоящей жизни.

Все же он все еще видел перед собой девочку, играющую в захват замка, — только она немного подросла.

31 Лиан обосновалась в двух небольших комнатах на верхнем этаже Марак — из одной сделала спальню, а другую оборудовала под кабинет. Тиор отдал ей весь этаж, но Лиан даже подумать не могла о том, чтобы занять огромное помещение, явно предназначенное для Владыки, или лишь чуть уступающую ему размерами и богатством комнату шибет.

Тогда, два года назад, она ходила из одной двери в другую, гадая, где жила Джабел, — пустовавшие много лет, апартаменты оказались хоть напоминающимися, но по-своему безликими: ковры, яркие вышитые покрывала на кроватях, диваны, помутневшие от времени зеркала, чайные и туалетные столики, яркие подушки, изящные ширмы.

И везде след запустения, слой пыли.

Переходя из комнаты в комнату, ощущая этот замерший, будто стеклянный воздух и остановившееся время, Лиан пришла к выводу, что Марак... грустит. Разлом был его сутью, причиной возникновения, но верхний этаж был сердцем, и твердыня как будто ждала, когда там вновь начнут жить члены правящей семьи, бегать и шуметь будущие наследники.

На попытку Лиан обжить комнатку — судя по размерам, та отводилась кому-то из младших потомков — Марак отреагировал с настороженной готовностью: со всех поверхностей исчезла пыль, прояснилась гладь зеркала, выросли из стен газовые рожки. Чувствуя себя несколько глупо (но в душе уже ничему не удивляясь), Лиан встала в центре комнаты и мысленно обратилась к твердыне, формируя свои

пожелания в максимально четкие образы. На следующий день вместо потолка она обнаружила гигантский витраж, но это уже было кое-что.

Сейчас, спустя время, спальня полностью отвечала ее пожеланиям, став уютным уголком, куда не было доступа даже ее личной горничной.

Кабинет, который вначале Лиан обживала с осторожным восторгом, тоже уже давно стал для нее родным: стены, увешанные пробковыми досками, покрывали записки и кое-как набросанные схемы улиц Сат-Нарема с криво подписанными дополнениями вроде: «За углом отличная таверна» или «Рядом поселение куниц». Прямо над столом — огромном монстре красного дерева с миллионом ящичков и потайных отделений, который прислал ей в подарок Гри, — в аккуратной рамке висел чертеж Джабел, тот самый, который первым выпал из футляра. Именно он подтолкнул Лиан к идее продолжить задумку Джабел и составить карту города.

Распахнув дверь пузатого шкафа, Лиан перебирала человеческую одежду, большую часть которой из чувства непонятного опасения предпочитала хранить на этой стороне Марака. С вешалок на нее смотрели футболки и толстовки, на полках лежало несколько пар джинсов, в углу пристроились кеды и кроссовки. Уставшая от торжественной одежды хеску, при вылазке в мир людей Лиан предпочитала одеваться максимально удобно и незаметно — хоть и сохраняя верность положенным цветам. Обычно она нацепляла еще бейсболку и темные очки, и они с Поро подбирали у Синнерхо Су, каждый раз с восторгом переодевающегося в джинсы и футболку прямо в машине.

При мысли о волке Лиан почувствовала, как внутри что-то сжимается, тяжелое и темное.

Они не виделись две недели.

Лиан казалось, что с памятного дня их знакомства они еще не расставались так надолго. Они сближались, промежутки между встречами становились все короче, она привыкла ощущать его рядом, воспринимать его таэбу как дополнение к своему. Порой Лиан казалось, что так должны чувствовать себя близнецы, а теперь все... закончилось.

Шесть долгих лет дружбы, три года чего-то, чему у Су было название, а у нее — нет.

Так вышло. Так бывает.

Слыша чужие шепотки, витающие в воздухе сплетни, она знала, что пары из разных кланов не редкость, но отношения их всегда окрашены горьковатой конечностью, выданным заранее знанием, что в старости ты не увидишь рядом этого же лица. С самого начала понимая, что все это временно, молодежь хеску просто наслаждалась процессом, не строя планов на будущее и порой цинично шутя, чтобы скрыть подступающую слезами к глазам грусть.

Только не Цуради и Алимио. На самом деле из-за них все и произошло.

Тигр и лисица, умудрившиеся пронести свои отношения через пристальное внимание шеру Латики и давление ша-Ашкараса, рушили все принятые в обществе хеску негласные правила. Для Владыки тигров Су уже давно превратился в ближайшего друга Цуради, с которым тот якобы пропадал каждые выходные, удовлетворяя юношеские порывы в обоих мирах, а вот Алимио Лиан не могла оказать такую же услугу: псовые и тигры хотя бы не были разделены официальным раздором, пусть и не ладили. Лиан даже представить не могла, ценой каких усилий (и, возможно, чар) робкой лисице удавалось скрывать от матери возлюбленного. В последние полгода та закрутила гайки, запретив дочери общаться с «этой разноглазой», и, хотя Алимио ослушалась и здесь, Лиан могла только догадываться, насколько тяжело жилось подруге.

Как ни странно, они действительно стали подругами, удержавшись после резкого отдаления близнецов, вступивших в Игру год назад, после медленно, но неумолимо растущей замкнутости Митана. Орленок хоть и продолжал приходить на встречи, теперь всегда садился чуть в стороне и все больше молчал, косясь на две счастливые парочки поверх исцарапанных уже очков.

Лиан отчаянно хотела ему помочь, но Митан лишь больше замыкался в себе, и она боялась, что очередной попыткой контакта вынудит его вообще покинуть их компанию. Что тогда будет с Митаном, так имеющим хоть какой-то глоток свободы вдаль от Колапуту, Лиан боялась предполагать — о крутом нраве Владыки орлов ходило достаточно слухов.

Впрочем, стоило признать, что большинство Владык относились к своим потомкам, не являющимся шибет, с отстраненной прохладцей, и Лиан порой гадала, как бы вел себя Тиор, будь она лишь одной из тридцати его внуков.

Однако это безразличие играло на руку тигру и лисице, разработавшим план побега. Идея была проста: подставиться на Игре, предложить выкуп, получить отказ августейшего родственника платить и в итоге быть изгнанными во внешний мир, где жить долго и счастливо. На взгляд Лиан, эта схема трещала по швам — например, чем они собирались зарабатывать на жизнь, лишённые финансовой поддержки? — но сама отчаянная храбрость влюбленных подкупала, и Лиан, вопреки доводам рассудка, надеялась на какое-то невероятное чудо, пообещав, что поможет осуществить задуманное, как только вступит в Игру. А пока этого не произошло, парочка потихоньку обставляла крохотную квартиру, которую уже полтора года снимала в человеческом мире, и строила планы.

С тихой глухой грустью Лиан изредка позволяла себе признать, что для нее такой путь невозможен, что, какие бы чувства ни связывали их с Су, на ней лежит тяжкое бремя

продолжения рода Базаардов, и она никогда не позволит себе предать доверие Тиора и клана.

Возможно, волк чувствовал эту ее мрачную истину и потому никогда не произносил вслух то, что она с легкостью читала в его таэбу.

Они молчали о том, что не могли изменить, пока однажды, вполголоса болтая обо всем на свете в темноте спальни, не заговорили о плане Алимю и Цуради. Лиан, приученная трезво оценивать шансы на успех любого предприятия и подмечать слабые места, вывалила на Су все минусы этой схемы. Да, она переживала за друзей и желала им счастья, но реальность с ее нюансами никуда не девалась. Волк же заговорил с внезапной горячностью, упирая на то, что настоящим чувствам все подвластно.

— Справятся, — махнул он одной рукой, вторую закидывая за голову.

«Да как?! — Лиан даже села на кровати, пристально глядя на Су. — Они ничего не знают о внешнем мире! Кататься туда по выходным и жить — разные вещи!»

— Ой, а как бы мы справились? — фыркнул волк, и риторический вопрос внезапно повис в воздухе.

Су не был силен в таэбу, но годы общения с Лиан в каком-то смысле настроили его на восприятие нее, и мысленная тишина сказала ему слишком много.

— Ты никогда об этом даже не думала, да? — тихо проговорил он, устремив взгляд в темноту за окном.

Лиан промолчала, опустив глаза на нервно сцепленные пальцы.

«Ты же знаешь, я не могу...»

— Да-да, я знаю, ответственность за род! — Су вскочил с постели, сделал несколько быстрых шагов по комнате. В темноте его силуэт казался абсолютно черным, и у Лиан мелькнула безумная мысль, что, если бы это был цвет его клана, все было бы намного проще.

Он остановился ровно напротив окна. Тусклый ночной свет, пробиваясь через витражные стекла, окутал его голые плечи золотистой дымкой.

— Ты... — Он сглотнул, боясь задать вопрос и зная, что не задать его не может. — Если бы ты могла, ты бы хотела?..

Лиан опустила голову, не в силах выносить его прямой взгляд, который она не видела, но чувствовала, едва справляясь с горящим, обжигающим почти до физической боли разочарованием, уничтожающим его изнутри.

Хотела бы она? Она бы соврала, если бы сказала, что никогда об этом не задумывалась, но ответ, смутно проступающий через дымку сомнений, раз за разом оказывался не тем, который стоило бы дать, и Лиан гнала от себя эти мысли — что толку обострять, если это не более чем фантазии?

И все же ответ был. Она любила Су. Еще в детстве став константой жизни Лиан, с годами он и вовсе превратился в ее неотъемлемую часть. Он появлялся каждый день, ночевал в Мараке чуть ли не чаще, чем в Синнерхо, они шли друг к другу с радостями и горестями и знали друг о друге буквально все. Она считала его частью своей крохотной семьи наравне с Тиором, он просто всегда *был* и был ей нужен.

Лиан любила Су. Просто не так, как он ее.

— Хватит смелости сказать это? — глухо спросил волк, и Лиан впервые в жизни услышала в его голосе подобие злости.

Сделав над собой усилие, она подняла голову и, найдя его таэбу, понимая, что, возможно, делает это последний раз в жизни, четко ответила:

«Нет».

Она не могла сказать, в какой момент он исчез. Вот только что стоял напротив, напряженный, такой *свой*, знакомый до последней черточки даже в темноте, — и вот комната пуста. Минуту назад она чувствовала тепло его тела,

лежащего рядом, — и вот только медленно остывающая подушка, еще немного пахнувшая дождем и солью от его волос.

Он не просто ушел, он исчез для нее, вырвав свое таэбу из ее мысленной хватки, разорвав тот канал, который рос, ширился и *срастался* на протяжении шести лет. Это было больно.

Лиан согнулась пополам, зарываясь скрюченными пальцами в волосы, ненавидя себя за привычку всегда говорить правду, за то, что уже который год закрывала глаза на часть таэбу Су, которую про себя называла солнцем — таким же, как горящее в таэбу Цуради, когда тот смотрел на лисицу.

Она снова и снова, как сломанная пластинка, проигрывала в мыслях их разговор, пытаюсь понять, могла ли соврать ему, могла ли ответить «Да», и снова убеждалась: не могла. Она не могла так врать. Не об этом. Не ему.

По мере взросления их компания стала встречаться реже, и сейчас Лиан была этому даже рада: она не представляла, придет ли Су и стоило ли появляться ей самой.

Пустота на месте его таэбу холодила сквозняком, и Лиан чувствовала себя так, будто раз за разом, на каждом шагу натывается на все углы в доме, потеряв опору и ориентир: она и сама не сознавала, что постоянно тянулась к нему мысленно, даже когда они были порознь. Теперь тянуться было некуда, и Лиан казалось, что у нее где-то незаживающая рана, только она никак не может нащупать где.

Она беспокоилась о нем. Через Каро, который, к его чести, лишь глубоко вздохнул, поняв все с полуслова, Лиан узнала, что Су в Синнерхо только ночует, в остальное время пропадая где-то на темных улицах Сат-Нарема с молодым псовых. Каро не стал добавлять, что волк почти постоянно пьян и что пару раз до входа в Синнерхо его дотаскивал верный Цуради, там передавая доверенным слугам.

Лиан не афишировала их разрыв. Это было их дело, и она, чувствуя себя виноватой за то, что ей хоть и плохо, но не так, как ему, по мере сил берегла гордость Су. Пип в переписке эту тему не поднимала, и Лиан могла лишь гадать, из деликатности или по незнанию.

Ее дни, отчасти однообразные, но всегда окрашенные радостью их встреч, стали удивительно блеклыми и пустыми, и, стоя на балконе верхнего этажа, вглядываясь в белые клубы тумана, Лиан тосковала — не по любимому, но по близкому другу.

Когда Каро упомянул, что ша-Тобу отправил Лим с дипломатической миссией в Ннууриноб, к оленям, Лиан ощутила вспышку радости. Первой мыслью было, что Су, узнав от матери детали, расскажет, как там все у них обустроено, и, возможно, даже передаст пару сплетен про близнецов. Второй — что этого не будет.

Лиан вдруг осознала, что они могут буквально больше никогда не заговорить. Он не обязан оставаться в ее жизни. Перед ней вдруг развернулась ужасная картина: редкие встречи на полугодовых балах с сухими кивками вместо приветствия, мимолетные взгляды, они взрослеют, он обзаводится семьей, она становится Владыкой... И всё. На этом — всё. Его больше нет.

Никогда.

Ужас обрушился на нее ледяным водопадом, вышибая пол из-под ног, заставляя цепляться за камень перил, чтобы не упасть.

Нет. Лиан сжала зубы. Она и так слишком много потеряла. Их общение началось с дружбы и не может закончиться банальным разрывом. Они не просто влюбленная парочка, они больше чем друзья, они росли друг в друга за эти годы, а значит, ему так же плохо без нее, как ей без него. И если есть хоть малейший шанс, что Су вернется в ее жизнь, пусть и иначе, она этого добьется.

Отсутствие Лим Монтро казалось удачным знаком: Лиан знала, что мать Су не особенно рада их близкому общению, досадуя, что сын не смотрит на соплеменниц, и думала, что без ее бдительного ока ей будет проще найти волка и поговорить с ним. А там будь как будет. Будет как должно.

Когда Поро притормозил у невидимой, но ощутимой границы Синнерхо, Лиан на мгновение замерла на сиденье, погрузившись в мысли.

Пальцы ее легли на ручку двери, но Лиан не торопилась ее открывать, скованная внезапным волнением. Сердце билось гулко и тяжело, словно накрытое неведомой тенью.

Тряхнув головой, она выбралась наружу и устремилась вперед по подъездной дорожке, засыпанной желтым песком.

Внутри твердыни псовых было тепло и уютно, пахло хлебом, немного прелыми листьями и костром. Высокие потолки, широкие коридоры, поблескивающий темный паркет — и всюду голоса, шум, смех, возня. В отличие от Марака, в Синнерхо снаружи жили не только члены Высокого Дома, но и просто приближенные Владыки Тобу, и твердыня, казалось, никогда не находилась в состоянии покоя. Псовые ревностно относились к охране своей территории, воспринимая Синнерхо как огромную берлогу с синими стенами и белыми колоннами, но внутри нее не признавали понятия личного пространства, распространяя этот принцип как на членов клана, так и на их друзей.

Двигаясь по коридорам и заглядывая в гостиные, вовсе не имеющие дверей, Лиан успела перездороваться с добрым десятком представителей старшего поколения, даже в человеческой одежде узнавших ее по отпечатку тазбу и разноцветным глазам, и почти оглохнуть от резких хлопков, которым отдавалось в ее сознании удивление прислуги — рваные джинсы и толстовка со скелетом повергала горничных и лакеев в шок.

Синнерхо был совсем другим, не таким, как Марак, — просторнее, светлее. Как и в самих Тобу, ощущалась в нем какая-то расслабленная сонливость того, кому не приходилось обороняться: за восемь поколений правления волки, в отличие от древних Базаардов, ни разу не оказывались в серьезной опасности, — и Лиан, чувствуя это спокойное тепло, погрузилась в свои мысли.

Она впервые шла здесь одна, имея четкую цель, но не направление, и это было... странно.

Вначале она попала в оплот псовых с Су, замирая от восторга и оказанного ей доверия; после если и приезжала одна, то тоже либо проходила дом насквозь, устремляясь в парк, где часто сидела их компания, либо поднималась наверх, где жили Монтро. С тех пор как Тиор подарил ей верхний этаж, Лиан почти перестала бывать в Синнерхо, где дверь любой комнаты в любой момент могла распахнуться под натиском рычащего клубка ушей, хвостов и лап, состоящего из младших отпрысков клана.

Винтовая лестница вела к жилым этажам, и рука Лиан автоматически легла на теплый каштан перил. Сердце забилось быстрее: всего пара минут, и она вновь увидит Су, а там — придется полагаться на свое красноречие, чтобы убедить волка не вычеркивать ее из его жизни.

Лиан впилась пальцами в перила, сжала губы. Нет, она не допустит, чтобы они так глупо потерялись, чтобы все закончилось *вот так*.

С Су было тепло.

Порой он потехи ради появлялся в истинном облике, и тогда сонная Лиан, сквозь дрему протягивающая руки на звук открывшейся двери, утыкалась пальцами в густую шерсть — прохладную и чуть влажную после путешествия

через соединяющий Марак и Синнерхо мост, пахнущую ветром, дождем и солью.

«Дурак, — отпихивала она мокроносую морду, на которой даже в волчьем облике ясно проступала улыбка, — животное!»

Су беззвучно смеялся искрами таэбу и забирался на постель, мгновенно делая ее холодной и влажной от своей шкуры, перебирал тяжелыми лапами, нависал, норовя лизнуть Лиан в лицо, словно дурашливый домашний пес.

Она, уже безвозвратно проснувшись, открывала разноцветные глаза и смотрела на него с добродушным укором, проводила чуткими пальцами по бархату ушей, зарывалась в шерсть ладонями.

«Кто мой волчище?» — улыбалась мягкой, расплывчатой со сна улыбкой, и тогда наконец в воздухе вздрагивали синие росчерки, и Су, склоняясь над ней, шептал на ухо:

— Я.

Лиан почувствовала, как защипало глаза, и медленно вдохнула, заставляя себя успокоиться. Ей не хватало его болезненно остро, до тупой боли в груди.

— Лиан? — Пип, стоящая на несколько ступеней выше, удивленно приподняла брови. Шелковое голубое платье, расшитое бисером и жемчугом, волосы спускаются на плечи золотистыми локонами — как всегда, идеальна. — Давно тебя не видела!

Лиан как могла беззаботнее улыбнулась, плотнее отгораживая часть таэбу, и сделала несколько шагов навстречу волчище.

«Я за Су, мы собрались в город. — Она неопределенно мотнула головой в сторону выхода. — Не знаешь, где он?»

В голубых глазах Пип вспыхнули озорные искры.

— В Мараке смотрела? — Она на мгновение пустила на губы улыбку и тут же прогнала ее. — Он у тебя ночует чаще, чем дома, Лиан. Я Су уже с неделю не видела...

На последних словах шуточный тон исчез из ее голоса, потому что, глядя, как бледнеет Лиан, как ударом колокола расходится от нее во все стороны тревога, Пип и сама почувствовала, как пальцы ее холодеют, а сердце сжимается предчувствием беды.

32

Лиан пришлось рассказать Пип все — как бы ни претила ей мысль посвящать Принцессу Волков в детали своей личной жизни, но тревога за Су заставила ее засунуть гордость куда подальше.

Слушая максимально сжатый пересказ, Пип только медленно кивала, меряя свою комнату нервными шагами. А когда Лиан запнулась, невольно пытаясь объяснить причины своего решения, остановилась и подняла на нее неожиданно печальные глаза и только головой качнула: «Я понимаю».

Восстановить хронологию удалось быстро, однако в ней зияли серьезные дыры. Пип и так удивленно вскинула пшеничные брови, слушая рассказ о буднях кузена, но Лиан сделала вид, что не заметила немого вопроса.

«*Может... загулял?*» — со смесью надежды и горечи спросила она.

— Нет, — Пип со вздохом качнула головой, — Су не из тех, кто уходит в загулы. Он всегда возвращается домой, в любом состоянии.

Какое-то время они перекидывались обрывками фраз, строя и опровергая теории, нащупывая план действий. Предложение сообщить об исчезновении отцу Пип отвергла: во-первых, у Владыки и своих забот хватало, во-вторых, пока они не знают точно, во что именно влип Су, не стоит

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

